

В.В. Майко
Симферополь

Проблемы салтовской культуры Крыма и Кембриджский аноним

Одной из важных проблем раннесредневековой истории и археологии Востока Европы является вопрос о гибели Хазарского каганата. Для большинства археологов связано с гибелью салтовской археологической культуры, бывшей археологически эквивалентом и в какой-то степени нивелирующим инструментом этнически пестрой Хазарии. Составной частью этой проблемы является вопрос о времени и причинах прекращения существования салтовской культуры Крыма¹.

Относительно проблемы гибели Хазарского каганата существует известный комплекс письменных источников [Новосельцев 1990, 221-222]. Часть из них не только частично раскрывает картину похода или походов Святослава, но и свидетельствует о существовании хазарского царства после 60-х гг. X в. Однако, приведенные данные письменных источников ничего не сообщают о причинах и времени гибели Крымской Хазарии. Единственным и практически единственным источником, проливающим свет на этот вопрос является т.н. Кембриджский Аноним.

Историография проблемы гибели Хазарии на основании письменных источников хорошо рассмотрена А.П. Новосельцевым, что избавляет от излишних повторений [1990, 222-223]. Историография проблемы гибели Крымской Хазарии в конспективном виде рассмотрена в ряде работ К. Цукермана [1998, 676]. В настоящее время в историографии именно этой проблемы можно выделить несколько основных направлений. Это традиционное - "печенежское" и новое - "венгерское" и комплексное, провозглашенное И.А. Барановым. Можно было бы выделить и четвертое направление - "русское", но необходимо сразу оговориться, что по справедливому мнению большинства специалистов, поход Святослава 965 г., катастрофические последствия которого для Хазарии несколько преувеличены, не затронул юго-восточную Темуку, и связывать с ним гибель салтовской культуры полуострова нет оснований.

¹ В данной работе, для сокращения объема издания, нет смысла разворачивать дискуссию об этнической принадлежности материальной культуры Таврики VIII - X вв., хотя бы для юго-восточной части полуострова. Отмечу только, что если отрицать существование праболгарского крымского варианта салтовской культуры и отрицать пребывание а Кр. праболгар [Сорочан 2004, 134-136], то надо объяснить, где же аналогии местной провинциально-византийской культуры, которая предлагается взамен праболгарской. Совершенно очевидно, что в Крыму их нет. Провинциально-византийская материальная культура Херсонеса и южнобережных памятников - другая. Ни в одной из работ моего уважаемого оппонента не приведены и византийские археологические комплексы, аналогичные тем, которые принято считать салтово-маяцкими праболгарскими Крымскими. Если эта культура сформировалась на основе разнородных позднеантичных (Боспорских древностей) полуострова [Сорочан 2004, 146-147], то необходимо быть более конкретными и указать их, а не просто декларировать, как делал это в свое время М.А. Фронджуро [1990, 131-132]. С другой стороны, термин "крымский вариант салтовской культуры", конечно, устарел, и необходима дальнейшая работа по поиску наиболее приемлемого названия.

Вероятнее всего, будучи в этот период союзником Византии, Святослав не собирался пока сталкиваться с империей на "крымской" почве.

Рассмотрим основные аргументы сторонников каждой из трех основных точек зрения на гибель салтовской культуры Таврики и дальнейшие судьбы Крымской Хазарии. Во-первых, до сегодняшнего дня немало специалистов, с различного рода оговорками, склонны считать главной причиной гибели салтово-маяцкой культуры Крыма нашествие печенегов². В качестве примера традиционно приводятся хорошо известные данные середины X в. Константина Багрянородного о пачинакитах, соседствующих с Херсоном и склонных выполнять различные поручения императора [Константин Багрянородный 1989, 37]. Однако археологические исследования предшествующего времени и последних лет красноречиво свидетельствуют о том, что, во-первых, в стратиграфии большинства праболгарских памятников юго-восточной части полуострова отсутствуют следы пожаров и разрушений, связываемых с нашествием печенегов [Кропоткин 1958, 218]. Во-вторых, погребения печенежского времени в Крыму единичны [Айбабин 1995, 211]. По справедливому мнению специалистов, печенеги только ненадолго заходили со своими стадами в Крымскую степь, а их кочевья располагались к северу от полуострова. Вклинившись между Хазарией и подвластными ей крымскими городами, они лишь ненадолго прервали их экономические связи [Константин Багрянородный 1989, 282, прим. 14].

Уже довольно давно К. Цукерманом, а следом за ним и А.И. Айбабиным выдвинуто предположение о вытеснении венграми хазар из юго-восточного Крыма во второй половине IX в. [Цукерман 1998, 676-680; Айбабин 1999]. Повторю, что, по крайней мере, в юго-восточном Крыму в стратиграфии заложения объектов периода их функционирования, в том числе и раскопанных А.И. Айбабиным в Керчи, отсутствуют следы каких-либо пожаров или разрушений, неизменными остаются основные компоненты материальной культуры, в том числе и керамического комплекса. Более того, в слое разрушения салтовских построек в портовой части Сугдеи обнаружены монеты Константина VII и Романа II. Впускные же кочевнические погребения Причерноморья и Карпатского региона, связываемые с венграми, в Крыму до сегодняшнего дня неизвестны. Вряд ли сложные, противоречивые и неоднозначные политические взаимоотношения Венгрии с Хазарией привели в последней четверти IX в. в какие-либо события, связанные непосредственно с Крымским полуостровом. Даже если предположить, что ликвидирована была только хазарская администрация, то, несомненно, местное население, подчиненное Хазарии, не могло остаться в стороне. Такие масштабные для полуострова события должны были как-то фиксироваться археологически.

Особую позицию занимал в этом вопросе И.А. Баранов. По его мнению, гибель салтовской культуры Крыма связана со всем комплексом русско-византийско-хазарских взаимоотношений середины X в. Воспользовавшись последствиями похода Святослава и последующей гибелью князя, империя полностью вытесняет хазар из Крыма, уничтожая местное население при проведении боевых действий [Баранов 1994, 37]. Необходимо отметить в этой связи, во-первых, удивительное молчание византийских, впрочем, как и всех остальных письменных источников, о столь внушительных военных действиях середины X в. в Крыму.

² Критику этого направления см. [Цукерман 1998, 676; Макарова 1982, 99].

Это притом, что походы Святослава и действия Иоанна Цимисхия описаны Львом Диаконом достаточно подробно. Во-вторых, местное население, как указывает И.А. Баранов, будучи христианизированным, тесно контактировало с византийскими войсками, подвергаясь греко-малоазиатскому влиянию [1994, 36]. Какой же смысл был уничтожен в ходе крупной военной компании своих союзников?

Действительно, обострение отношений трех крупнейших государств юго-восточной Европы и было главной причиной гибели салтовской культуры Крыма. Главным письменным источником, позволяющим проиллюстрировать и конкретизировать этот тезис, на мой взгляд, является т.н. Кембриджский Аноним. Его источниковедческая оценка была посвящена целый ряд работ [Коковцов 1932, 117-120; Новосельцев 1990, 216-217; Голб, Прицак 1997, 140-146; Zuckerman 1995, 237-270 и др.⁴]. С 1912 г. он, или иначе, упоминается во всех работах связанных с историей Хазарии. Существует менее значительная по объему историография попыток исторического истолкования изложенных в документе событий (Ю.Д. Бруцкус, В.А. Мошин, Н.Я. Половой, И.А. Баранов, К. Цукерман, С.Б. Сорочан и др.), до 1945 г. изложенная в работе Б.Г. Горянов [1945, 262-277].

Для нашей темы представляет интерес именно тот небольшой по объему отрывок Анонима, где повествуется о русско-хазаро-византийских отношениях в середине X в. о событиях, происшедших в это время на полуострове. Общеизвестно, что одним из важнейших моментов при реконструкции текста документа, доказательства подлинности и историчности является атрибуция имени князя русов Helgou⁵. Как указывалось [Майко 1999, 48, прим. 48], в историографии идентификации имени Х-л выделяется три основных направления⁶. Наиболее аргументированной представляется точка зрения В.Я. Петрухина, согласно которой, Х-л-гу был одним из представителей самостоятельных черниговских князей, мало зависимых от Киевского престола [1998, 145; 1998, 107].

Основываясь на современных трактовках событий, изложенных в Кембриджском Анониме, можно предположить следующую реконструкцию событий. После преследований христиан, начатых хазарским царем Иосифом в ответ на гонения иудеев в Византии при императоре Романе I Лакаине, последний договаривается с киевским князем Игорем о совместных антихазарских действиях. Соблюдая союзнические обязательства, Игорь скорее всего в 940 г. посылает Helgou с дружиной разгромить хазарские владения в Крыму.

⁴ Исходя из упоминавшейся концепции о провинциально-византийском характере материальной культуры Крыма VIII – первой половины X вв., С.Б. Сорочан, однако, возражает, что причиной ее гибели послужил поход Песаха, который автор датирует в широких рамках 932-944 гг. [Сорочан 2005, 1192].

⁵ Более подробно позиция автора по этому вопросу изложена в нескольких работах [Майко 1997, 109-121; 1998, 1999, 40-49; 1999а, 207-209; 2000, 236-261], там же и библиография. Среди последних достаточно подробных исследований можно назвать работу С.Б. Сорочан [2005, 1183-1208, 1535-1552], где приведена последняя библиография.

⁶ С.Б. Сорочан именно этот факт и видит главным камнем преткновения предложенной гипотезы, которую он признает логичной [Сорочан 2005, 1190].

⁷ О состоянии проблемы до 1961 года см. [Половой 1961, 99-100].

Не исключено, что последний попытался закрепиться на полуострове. В то же время, другая русская рать под предводительством Свенальда покорила уличей, находившихся в союзе с Хазарией [Гумилев 1993б, 193]. Предположение выглядит интересным, т.к. в конце 30-х гг. X в. по мнению О.В. Сухобокова и С.П. Юренко от Киева отсоединяются восточные северяне и радимичи левобережной Днепровской лесостепи, находившиеся в непосредственной близости к Хазарии. Окончательное их присоединение к Киевской Руси происходит только в период княжения Владимира [Сухобоков, Юренко 1999, 288]. В русле этого логичным выглядит предположение Н.Я. Полового о том, что, вероятно, с ведома киевского князя Игоря этот поход носил завоевательный характер [1961, 99]. Аналогичный характер носил и предпринятый при Игоре поход русов 943 г. в Бердаа под руководством Свенальда, где русы выступали уже союзниками Хазарии и Алании [Половой 1960, 349-350].

Несколько другая реконструкция событий предложена была в свое время Ю.Д. Бруцкусом, В.А. Мошиным, И.А. Барановым и В.Л. Мыцом. Согласно мнению первого, поход Helgou, поддержанный христианизированным местным тюркским населением полуострова, датировался 932 г., а ответная карательная акция Песаха 935 г. [Бруцкус 1922]. И.А. Баранов считает, что поход Песаха датируется также 935 г. и служит продолжением военной кампании Хазарского каганата против византийских войск Романа I начатой разгромом последних под стенами Валендара в районе Тамани или Боспора в 933/34 гг. [Баранов 1990, 152]. В русле этой концепции выглядят и исторические построения В.Л. Мыца и С.Б. Адаксиной. По мнению исследователей, поход Х-л-гу на Тамань датируется 932 г. В 933/34 г. Роман I в ответной акции постарался овладеть в Таврике Климатами, но потерпел поражение под крепостью Вилендар от тюрков, обитавших к западу от Алании. В 935 г. состоялся поход черных болгар, союзников хазар под руководством Песаха, а в 940 г. русы совершили набег на Боспор и захватили крепость Самкерц [Мыц, Адаксина 1999, 125]. Предложенная концепция выглядит стройной и логичной за исключением того, что о факте двух походов русов в Таврику умалчивает даже Кембриджский Аноним. На чем основана локализация города В-л-н-д-р, остается неясным, поскольку у Аль-Масуди указание на его месторасположение очень неопределенное [Минорский 1963, 193]. Из текста первоисточника ясно, что это греческий город, где располагался и византийский гарнизон. Туда беспрепятственно можно было послать подкрепления. И, наконец, речь идет о нападении четырех тюркских племен во главе с царем печенегов. Хазары, отлично известные арабским историкам, среди них не указаны [Новосельцев 1990, 107-108]. Исходя из этого, связь города В-л-н-д-р с Боспором или Таманью представляется маловероятной. На мой взгляд, эти события, очевидцем которых Аль-Масуди, безусловно, не был и черпал информацию из других источников [Новосельцев 1990, 218] мало связаны с событиями, описанными в Кембриджском Анониме.

По мнению В.А. Мошина, основанному на сообщениях Аль-Масуди о преследованиях иудеев Романом I в 943 г., поход Helgou датировался именно этим годом. Будучи, по мнению автора, князем Причерноморской Руси, последний осадил соответственно не Керчь, а К-р-ц, а К-р-ц-Керчь, взял ее и вернулся в свои владения [Mosin 1931, 309-325]. Как указывалось, обе даты похода Helgou противоречат точному описанию Анонимом похода русов на Византию 941 г.

Вероятнее всего, большая часть христианизированных праболгар Таврики, недовольная гонениями христиан, и находившихся под идеологическим влиянием Византии, поддержала союзные империи войска Helgou и не оказала им серьезного сопротивления. На мой взгляд, именно по этой причине в Кембриджском Анониме под "городами Ромы" понимаются не византийские владения в Таврике, а сильно византизированные праболгарские города и поселения полуострова. Воспользовавшись внезапностью и стремительностью нападения, Helgou удалось захватить город С-м-к-рай⁷.

Интересным археологическим свидетельством похода Helgou является обнаруженное недавно при раскопках христианского храма на восточных склонах г. Аю-Даг фрагмент столового кувшина характерного именно для середины X в. с процарапанным граффити в виде корабля. Автор находки видит в нем стилизованное изображение корабля викингского типа [Тесленко 2000, 125-129]⁸. Относительно недавно, В.Н. Залесской обнаружены старинные материалы раскопок комплекса одной из гробниц предела церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Согласно исследовательнице, инвентарь погребения состоит из украшенных распрощанных в X в., и янтарного крестика с иконографическими деталями, встречающимися на скандинавских надгробьях [Залесская 1997, 17]. Датированный комплекс в широких хронологических рамках середины - второй половины X в. совершенно не обязательно связан с походом 943 г.

Каганат ответил карательной акцией под предводительством полководца Песаха, армия которого состояла из северо-кавказских тюрок и союзных им алан. Именно в это время отряды алан выступают союзниками Хазарии при проведении военных действий вне пределов Алании. Войска алан становятся профессиональными, в случае необходимости дополнительно набирается военное ополчение [Каминский 1993, 92]. Такая незамысловатая реакция Хазарского каганата вызвана была и тем, что Керченский пролив и Кубанская дельта играли исключительную роль для Хазарии, особенно на последних этапах ее существования [Гадло 1989, 15]. По сообщению Аль-Масуди даже в случае успешного захвата переправ, происходящих во время сезонных перекочевков степняков, сюда устремлялись хазарские войска [Гадло 1989, 15].

Песаху удалось вернуть захваченный русами С-м-к-рай, который оказал Helgou сопротивление, разгромить большинство праболгарских поселений и захватить крупнейшие города, в которых они проживали. Это ярко иллюстрируют археологические раскопки Сугдеи. Вероятно, праболгары полуострова либо были уничтожены, либо были вынуждены в спешке бежать, оставив жилые дома, что подтверждается археологическими исследованиями [Баранов, Майко 1996, 71-88; Баранов, Майко, Джанов 1997, 38-45].

Совершенно аналогичная картина наблюдается при анализе стратиграфии поселения Кордон-Оба и городища Тепсень [Майко 2004, 52-55]. Практически все более или менее исследованные сельские праболгарские памятники Керченского полуострова несут следы гибели именно середины X в. По мнению А.В. Гадло, изученные лучше, чем остальные Пташкинское и Героевское салтово-маяцкие поселения прекращают свое существование в первые десятилетия X в. [Гадло 1980, 141], причем, большинство открытых построек было оставлено одновременно.

⁷ Подробнее проблема локализации этого города изложена [Майко 2000, 236-261].

⁸ С предположением о передвижении войска Х-п-гу на кораблях полностью согласен К. Цукерман [1996, 70].

Песаху удалось вернуть захваченный русами С-м-к-рай, который оказал Helgou сопротивление, разгромить большинство праболгарских поселений и захватить крупнейшие города, в которых они проживали. Это ярко иллюстрируют археологические раскопки Сугдеи. Вероятно, праболгары полуострова либо были уничтожены, либо были вынуждены в спешке бежать, оставив жилые дома, что подтверждается археологическими исследованиями [Баранов, Майко 1996, 71-88; Баранов, Майко, Джанов 1997, 38-45].

Совершенно аналогичная картина наблюдается при анализе стратиграфии поселения Кордон-Оба и городища Тепсень [Майко 2004, 52-55]. Практически все более или менее исследованные сельские праболгарские памятники Керченского полуострова несут следы гибели именно середины X в. По мнению А.В. Гадло, изученные лучше, чем остальные Пташкинское и Героевское салтово-маяцкие поселения прекращают свое существование в первые десятилетия X в. [Гадло 1980, 141], причем, большинство открытых построек было оставлено одновременно.

Подверглись ли нападению южнобережные памятники, судить сложнее. Однако, зафиксированные и в стратиграфии Алустана следы пожаров датируются со второй четверти X в. [Мыц, Адаксина 1999, 125]. Стратиграфически аналогичная картина зафиксирована Е.А. Паршиной при раскопках Партенит [1991, 95]. Сказанное справедливо и по отношению к памятникам юго-западной Таврики. Это "неясные" слои сильных разрушений на Мангуле, датируемые в целом второй половиной X в. [Герцен 1993, 61], и т.н. вторая оборонительная линия Баклинского городища, и синхронные ей жилые и хозяйственные постройки [Сазанов 1994, 54-56].

Отдельного рассмотрения заслуживают синхронные материалы Боспора-Керчи. Прежде всего, не подлежит сомнению, что салтовские постройки городища, как и сама цитадель, гибнут в крупном пожаре, носящем тотальный характер [Макарова 1982, 99; 1998, 357]. Датируется он серединой X в., что было аргументировано в предыдущих работах. Отметим, что в своих последних работах А.И. Айбабин согласился с точкой зрения о гибели салтовских праболгарских памятников полуострова благодаря походу Песаха, который он датирует широкими хронологическими рамками 920-940 гг. [1999, 227].

Представляется логичным, что, воспользовавшись походом и победами Песаха, в Крым переселяется значительная масса сложного в этническом плане тюркского городского населения с северо-кавказских и прикаспийских территорий. Как уже отмечалось, именно в середине X в. происходит поднятие уровня Каспийского моря, затопившего земли, населенные северо-кавказскими тюрками [Гумилев 1993а, 516]. Конечно, это не решающая причина, но совершенно отбрасывать ее так же нельзя. С другой стороны, нарастающая опасность со стороны печенегов стимулировала процесс переселения в более спокойные места. Дополнительным аргументом в пользу возможного переселения является справедливое мнение А.В. Гадло, согласно которому именно в 40-60-е гг. X в. в Северо-кавказской степи полностью исчезают следы оседлости, ее население отходит в предгорья (заметим, достаточно плотно заселенные и до этого). Нарушается устоявшаяся система взаимоотношений, нарушается годичный отгонный выпас [Гадло 1994, 99]. Интересно, что факт переселения 3 тыс. хазарских семей, правда, более позднее время в 1064 г. из страны хазар в г. Кахтан, известен по письменным источникам [Новосельцев 1990, 193-194]. Исходя из всего вышесказанного и учитывая политическую и экономическую нестабильность на Северном Кавказе, поход и победы Песаха были хорошим поводом для переселения. Именно после этого в Сугдее и на

Боспоре появляется совершенно новая материальная культура имеющая, тем не менее, определенные тюркские и аланские черты.

Таким образом, можно считать установленным, что описываемые в Анониме события исторически верно соответствуют первому походу князя Игоря на Византию 941 г., предшествовавшему ему набегу дружины под предводительством Х-лгу на хазарские владения в Крыму и на Тамани. Основываясь на этом, нет оснований сомневаться в походе Песаха на Таврику, имевшем для полуострова очень серьезные последствия.

Исходя из археологического материала и сообщений письменных источников, дальнейшие судьбы переселенцев во второй половине X - начале XI вв. можно представить следующим образом. После гибели и упадка Хазарского каганата территория юго-восточной Таврики, вероятно в начале 70-х гг. X в., переходит под власть Византийской империи. Вероятно, в южной Таврике это произошло еще раньше, чему, по мнению В.Л. Мыца, способствовали военные успехи Никифора Фоки на Востоке [Мыца, Адамс, 1999, 126]. Очевидно, уже при Иоанне Цимисхии вся Таврика с разной степенью самостоятельности переходит под протекторат империи. Благоприятствовали это военные поражения Руси, и гибель киевского князя Святослава.

Однако все эти события мало повлияли на изменение этнического состава населения юго-восточной Таврики. Археологические комплексы переселенцев существуют с видимыми изменениями всю вторую половину X в. Вероятно, сразу после подчинения Византии рассматриваемая часть полуострова представляла собой своеобразный реликт Хазарского каганата, находившийся под контролем империи.

Для реконструкции политической и экономической структуры этого "реликта" большое значение имеют данные А.В. Гадло о подобной системе, существовавшей в Тмуторокани до похода Владимира "на козар" 986/87 гг. [Гадло 1990а, 23]. Основываясь на известной притче о полянской дани хазарам, исследователь считает, что Таманское государство образовано управлялось князем и старейшинами, которым принадлежала ведущая роль в решении наиболее важных вопросов, существовало свое войско или военное ополчение, с 70-х гг. X в. чеканилась собственная монета (в подражание византийской), основывалась автокефальная епархия [Гадло 1990, 22]. С присоединением Тмуторокани к Руси положение мало изменилось. Русский князь постоянно наталкивался на оппозицию верхов местной общины. Имея реальную власть, опирающуюся на поддержку местного населения, и являясь основными владельцами прилегающих к городу обрабатываемых земель, они могли смещать и подыскивать себе другого русского князя [Гадло 1990, 7]. В этой связи чрезвычайно интересен вывод А.В. Гадло, согласно которому и в более позднее время сутью интриги, развернувшейся в Тмуторокани в 60-е гг. XI в., связанной с междоусобной борьбой Ростислава и Олега, было стремление населения, не лояльного к русской княжеской династии, восстановить политическую независимость, при этом новому образованию облик разрушенной Хазарии [Гадло 1990б, 11-12]. Недаром эти события нашли отклик на страницах русских летописей.

Применяя сравнительный метод, можно предполагать, что в юго-восточном Крыму, близком этнически к Тмутараканскому государственному образованию, в данный хронологический период сложилась схожая ситуация с той лишь разницей, что в конце правления русского князя до 965 г. существовал хазарский наместник, а после этого и до 1000 г. византийский стратиг. В состав местной византийской администрации, номинально подчиненной империи входили, представители тюрко-хазарского происхождения.

Не исключено, что, будучи лояльными к империи, они занимали одни из ключевых постов.

После похода Владимира "на козары" 986/87 гг., т.е. против Тмутараканского княжества, и последующего взятия Херсонеса ситуация для юго-восточного Крыма меняется незначительно. Этнической смены населения, как и в предшествующее время, не происходит. Однако, влияние Руси на юго-восточный Крым, усиливается. Вероятно, между Русью и Византией был заключен своеобразный договор. Местное население обязывалось не поддерживать ни одно из государств в случае военного противостояния. Это то активное, то пассивное противостояние двух крупнейших государств, занятых многочисленными внутренними и внешними проблемами, позволяло местному населению балансировать между двумя силами, поддерживая видимость существования своеобразного реликта каганата. Вероятнее всего в этой политике активную моральную и экономическую поддержку, не без ведома Руси, оказывало и этнически близкое Тмутараканское княжество. Эта поддержка на первых порах была еще более ощутима, поскольку, согласно косвенным упоминаниям Константина Багрянородного, Тмутаракань в 40-50 и, очевидно, до 80-х гг. X в. представляется самостоятельным политическим образованием [Константин Багрянородный 1989, 170-171], балансирующим в разные периоды между Русью, Хазарией и Византией [Гадло 1990а, 21; Новосельцев 1990, 133].

Номинальная зависимость юго-восточной Таврики от Византии во второй половине X в. не устраивала империю. Поводом для ликвидации сложившейся ситуации, с которой Византийское государство в силу целого ряда субъективных и объективных причин вынуждено было мириться, послужило упомянутое византийским хронистом Иоанном Скилицей и соответственно Кадриным восстание 1015 г. под предводительством Г. Цуло и ответная экспедиция византийского флота в Крым в 1016 г. [Joannis Scylitzae 1973, 354; Georgius Cedrinus 1838, 464]. Относительно места восстания большинство специалистов в настоящее время согласно с тем, что византийский флот застал мятежников не в Херсонесе, а на Боспоре [Степаненко 1992, 125-133]. Достаточно давно нет споров об этническом происхождении руководителя восстания Георгия Цуло. Большинство исследователей со времени М.И. Артамонова поддерживает его местное тюркское, возможно праболгарское происхождение [Артамонов 1962, 436]. Длительность нахождения представителей рода Цуло среди высших византийских сановников подтверждается целым рядом находок в Тмуторокани, относящихся к второй половине X, так и начала XI в. Хронологическое членение в Тмуторокани, предложенное И.В. Соколовой и уточненное Н.А. Алексеевко, является наиболее обоснованным подтверждением этому [Соколова 1971, 68-74; Алексеевко 1995, 85].

Относительно сущности восстания ряд авторов, как раньше, так и сейчас, считает, что это был разгром остатков Хазарского каганата в Крыму⁹. Эта точка зрения, основанная на указанном недвусмысленном упоминании в тексте источника Хазарии и хазарского происхождения начальника Георгия Цуло, наиболее обстоятельно изложена в работах А.В. Гадло. По мнению автора, мир, установленный между Русью и Византией после похода на Крым в 986/87 гг., был нарушен в 1015 г. разбираемым восстанием. Действия Цулы воспринимались реакцией на кризис, наступивший на Руси в связи со смертью Владимира [Гадло 1990а, 26]. При этом отметим, что византийский император Василий II был занят в это время в Болгарии. Однако восставшие просчитались, мятеж сильно обеспокоил византийскую администрацию. По верному замечанию М.Н. Богдановой, флот был направлен в Черное море в то время, когда навигация там очень опасна, и должны

были быть чрезвычайные обстоятельства, которые могли бы заставить императора снарядить экспедицию в разгар зимы [Богданова 1991, 156].

Важность происшедших событий подчеркивает и незамедлительная реакция Древнерусского государства. По справедливому мнению А.В. Гадло, легендарный поход Мстислава Тмутараканского на касогов был ответной реакцией на окончательное подчинение империей юго-восточного Крыма [Гадло 1990а, 26]. Исходя из этого, автор убедительно датирует его не 1022 г., а 1016 или 1017 г.

Существует и точка зрения о том, что восстание 1015 г. проводилось с целью увеличения самостоятельности в управлении Херсоном. Наиболее полно она изложена в ряде работ В.П. Степаненко. По мнению автора, Византия владела Крымом, в числе и юго-восточным, задолго до договора 989 г., а события 1016 г. - восстановление позиции империи в регионе, владения которой граничили с Тмutorоканским княжеством задолго до 1016 г.

О завоевании империей Крыма в связи с подавлением восстания говорить приходится [Степаненко 1993, 255]. Однако если придерживаться этой точки зрения, то необходимо указывать причину восстания именно в это время именно в Крыму. Безусловно, нельзя прямо говорить о военном походе против Хазарского каганата, к этому времени уже не существовавшего.

С другой стороны, юго-восточная Таврика, исторически связанная с Тмutorоканскими козарами и управляемая местной тюркской администрацией, не была обычной провинцией византийской империи. Скорее всего, речь идет о представившейся возможности ликвидировать крепнущий и набирающий все большей самостоятельности регион хазарского каганата в юго-восточной части полуострова, все менее зависимый от имперских чиновников. Очевидно, с открытым противостоянием империи Византия смириться уже не могла.

Поход оказался удачным для императора Василия II (976-1025 гг.). Византийская власть на полуострове была восстановлена. Вполне возможно, что именно с этими событиями связано исчезновение археологических комплексов своеобразной материальной культуры, бывший археологическим эквивалентом Крымской Хазарии второй половины X - начала XI вв. Видная часть местного населения вынуждена была, так же как в свое время и праболгары, бежать, часть осталась на полуострове, послужив одной из составляющих при формировании этнически сложного населения византийской Таврики XI-XIII вв.

Литература

- Айбебин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь, 1990.
 Алексеенко Н.А. Новые находки молиадрвулов рода Цулы из Херсонеса // Древности Т.2. - Харьков, 1995.
 Артамонов М.И. История хазар. - Л., 1962.
 Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). - К., 1990.
 Баранов И.А. Таврика в составе Хазарского каганата. - Автореф. дис. д.и.н. - К., 1990.
 Баранов И.А., Майко В.В. Комплексът салтовски съоръжения в Судакската крепост // БСП. - Т. V. - В. Тырново, 1996. - С. 71-88.
 Баранов И.А., Майко В.В., Джанов А.В. Раскопки в средневековой Сугдее // АИИ. 1994 г. - Симферополь, 1997. - С. 38-45.

- Богданова Н.М. Херсон в X-XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. - М., 1991.
 Бруцкус Ю.Д. Письмо хазарского еврея от X в. Новые материалы по истории южной России времен Игоря. - Берлин, 1924.
 Гадло А.В. К истории восточной Таврики в VIII-X вв. // Античные традиции и византийские реалии. - Свердловск, 1980.
 Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. - Л., 1994.
 Гадло А.В. Тмutorоканские этюды. II. // Вестник ЛГУ. - Сер.2. - Вып.3. - 1989.
 Гадло А.В. Тмutorоканские этюды. III. // Вестник ЛГУ. - Сер.2. - Вып.2. - 1990а.
 Гадло А.В. Тмutorоканские этюды. IV. // Вестник ЛГУ. - Сер.2. - Вып.4. - 1990б.
 Гадло А.В. Тмutorоканские этюды. VII. // Вестник СПбГУ. - Сер.2. - Вып.2. - 1992.
 Герцен А.Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология западного Крыма. - Симферополь, 1993.
 Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X в. - М. - Иерусалим, 1997.
 Горянов Б.Т. Византия и хазары (обзор иностранной литературы) // Исторические записки. - Т.15. - 1945.
 Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. - М., 1993а.
 Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. - М., 1993б.
 Залеская В.Н. Западные варвары в Византийской Таврике по данным двух забытых крымских кладов // Иностранцы в Византии. Византийцы за рубежами своего Отечества. - Тез докл. - М., 1997.
 Каминский В.Н. Военное дело алан Северного Кавказа // Древности Кубани и Черноморья. - Понтийско-кавказские исследования. - Т.1. - Краснодар, 1993.
 Константин Багрянородный. Об управлении империей. - М., 1989.
 Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. - Л., 1932.
 Кропоткин В.В. Из истории средневекового Крыма (Чефут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // СА. - Т. XVIII. - 1958.
 Майко В.В. Крым и Северный Кавказ през периода от средата на X - до началото на XI в. (проблеми на етнокултурните връзки) // Българите в Северното Причерноморие. - Т. VI. - Велико Търново, 1997. - С.109-121.
 Майко В.В. Етнокултурни зв'язки Криму з Подніпров'ям і Північним Кавказом у VII - X ст. - Автореф. дис. к.і.н. К., 1998. - 24 с.
 Майко В.В. Хозари у Криму в другій половині X ст. // Археологія. - N 2. - 1999. - С. 40-49.
 Майко В.В. К вопросу о гибели салтово-маяцкой культуры Крыма // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова. - М., 1999а. - С. 207-209.
 Майко В.В. Хазаро-руско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария // Великая "Скуфь". Stratum № 5. - Слб. Кишинев, Одесса, 2000. - С. 236-261.
 Макарсва Т.И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. - № 4. - 1982.
 Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // ИИЭТ. - Вып. VI. - Симферополь, 1998.
 Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. - М., 1963.
 Мыц В.Л., Адаксина С.Б. Находки золотых византийских монет из раскопок Алустона // Stratum plus. Время денег. - СПб. Кишинев, Одесса. - N 6. - 1999.

- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа.-М., 1990.
- Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика.-К., 1991.
- Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков.-М., 1995.
- Петрухин В. Я. Хазария и Русь: источники и историография // Скифы. Хазары. Славяне Древняя Русь.-Тез. докл.-СПб., 1998.
- Половой Н. Я. О русско-хазарских отношениях в 40-х гг. X в. // Записки Одесского археологического общества.-Т. I (34).-1960.
- Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря // ВВ.-Т. XVIII.-1961.
- Сазанов А. В. К хронологии цитадели Баклинского городища IX-XI вв. // Проблемы истории и археологии Крыма.-Симферополь, 1994.
- Соколова И. В. Печати Георгия Цулы и события 1016 г. в Херсоне // Палестинский сборник. Византия и Восток.-Вып. 23 (86).-1971.
- Сорочан С. Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах.-Т. 3.-К.-Харьков, 2004.-С. 117-159.
- Сорочан С. Б. Византийский Херсон.-Ч. 2.-Харьков, 2005.
- Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики // Византия и средневековый Крым.-Барнаул, 1992.
- Степаненко В. П. К статусу Тмутаракани в 80-90-е гг. XI в. // МАИЭТ.-Вып. III.-Симферополь, 1993.
- Сухобоков О. В., Юренко С. П. Історія лівобережної України I тис. н. е. в етнокультурно-археологічному аспекті // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тисячолітті н. е.-К.-Львів, 1999.
- Тесленко И. Б. Изображение корабля на стенке средневекового сосуда из раскопок христианского храма на северо-восточном склоне г. Аю-Даг в Крыму // Българите в Северното Причерноморие.-Т. VII.-В. Тырново, 2000.-С. 125-129.
- Цукерман К. Русь, Византия и Хазария в середине X в.: проблемы хронологии // Славянские соседи. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время.-М., 1998.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836-889 г. // МАИЭТ.-Вып. VI.-Симферополь, 1998а.
- Ajbabin A. Receneghi e Polovcy in Crimea // Dal Mille al Mille. Tezore e popoli dal Nero.-Milano: Elekta, 1999.
- Georgius Cedrinus. Joannis Scylitzae ope ab J. Bekkero suppletus et emendatus.-I. Bonnæ, 1838-1839.
- Joannis Scylitzae. Synopsis Historiarum // Corpus Fontium Historiae Byzantinae.-Vol. 5.-1973.
- Mosin V. Les Khazares et les Byzantins d'après le Anonyme de Cambridge // Byzantion. VI.-Bruxelles, 1931.
- Zuckerman C. On the date of the khazars conversion to judaism and the chronology of the kings of the Rus Oleg and Igor // Revue des Etudes Byzantines.-Т. 53.-1995.

Список сокращений:

- АО - Археологические открытия
АИК - Археологические исследования в Крыму
БСП - Българите в Северното Причерноморие

- ВВ - Византийский временник
КСИА - Краткие сообщения института археологии АН СССР
МАИЭТ - Материалы по археологии истории и этнографии Таврии
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
СА - Советская археология
РА - Российская археология

Майко В. В.

Проблемы гибели салтовской культуры Крыма и Кембриджский Аноним.

Резюме.

В середине X в. в юго-восточном Крыму появляется новая материальная культура, не имеющая генетической подосновы в предшествующих праболгарских древностях этой части полуострова. Большинство салтовских поселений гибнет или забрасывается, а в стратиграфических разрезах городов фиксируются горизонты с новым материалом. Однако, эта новая городская культура имеет черты, присущие тюркским средневековым культурам Восточной Европы, в частности, Северного Кавказа. Появление последних связано с переселением в Крым части северо-кавказских тюрок после похода 941 г. под руководством Песаха, описанного в Кембриджском Анониме. Таким образом, культура второй половины X - начала XI вв. может быть археологическим эквивалентом Крымской Хазарии второй половины X в.

Майко В. В.

Проблеми загибелі салтівської культури Криму та Кембриджський Анонім.

Резюме.

У середині X ст. у південно-східному Криму з'являється нова матеріальна культура, що не має генетичної підоснови у попередніх праболгарських старожитностях цієї частини півострову. Більшість салтівських поселень гине чи занепадає, а у стратиграфічних розрізах міст фіксуються шари з новим матеріалом. Проте, ця нова міська культура має риси, притаманні тюркським середньовічним культурам Східної Європи, зокрема Північного Кавказу. Поява останніх пов'язана з переселенням у Крим частини північно-кавказських тюрок після походу 941 р. під керівництвом Песаха, що описаний у Кембриджському Анонімі. Таким чином, культура другої половини X - початку XI ст. може бути археологічним еквівалентом Кримської Хазарії другої половини X ст.

Majko V.V.

The problems of the downfall of saltovo-majaki culture of the Crimea and Cambridge Anonim.

Summary.

In the middle of X ch. in Crimea there is the new material culture not have genetic basis in previous oldbolgarian antiquities of a peninsula. The majority settlement of crimean variant of saltovo-majaki culture perishes or is deserted. and in stratigrafical sections of cities layers

containing new for Tavrica material are fixed. At the same time, this new cultures has the number of features inherent early medieval turcs cultures of East Europa and North-Caucasus. Its last occurrence on a peninsula is connected with movement to Crimea north-caucasus turcs after a campaign 941 under a management of Pesach. Its described in Cambrige Anonitu. This culture of the second half of X - begining of the XI ch. appears an archaeological equivalent of Crimean Chazaria of the second half of X ch.

